

Т.И. Морозова*

«...ДО СМЕРТИ ХОЧЕТСЯ СТАТЬ СЕКРЕТАРЕМ УКОМА». БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ В КИРЕНСКОМ УЕЗДЕ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ (СЕНТЯБРЬ – ДЕКАБРЬ 1925 ГОДА)

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-3
УДК 94(571.5)+329.15"1925"

Выходные данные для цитирования:
Морозова Т.И. «...До смерти хочется стать секретарем укома». Борьба за власть в Киренском уезде Иркутской губернии (сентябрь – декабрь 1925 года) // Исторический курьер. 2022. № 6 (26). С. 39–54.
URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-03.pdf>

T.I. Morozova*

"...HE IS DYING TO BECOME THE SECRETARY OF THE UYEZD COMMITTEE". THE STRUGGLE FOR POWER IN THE KIRENSKY ADMINISTRATIVE DIVISION OF THE IRKUTSK GOVERNORATE (SEPTEMBER – DECEMBER 1925)

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-3

How to cite:
Morozova T.I. "...He is Dying to Become the Secretary of the Uyezd Committee". The Struggle for Power in the Kirensky Administrative Division of the Irkutsk Governorate (September – December 1925) // Historical Courier, 2022, No. 6 (26), pp. 39–54. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-03.pdf>]

Abstract. The article studies one of the episodes of such a mass phenomenon of political everyday life in the 1920s as interpersonal conflicts. Based on the previously unknown archival documents the author establishes the background, reconstructs the main events and describes the results of the struggle for the post of secretary of the Kirensk Uyezd Committee of the RCP(b). Until June 1925, this position was held by P.P. Bagryantsev, and after his recall, the Irkutsk Governorate Committee of the RCP(b) refused to send a new official and proposed to the Uyezd Committee of the party to nominate one from locals. As a result, the plenum of the Kirensk Uyezd Committee unanimously elected S.I. Tychkov, who had recently arrived in Kirensk to work as chairman of the Uyezd Executive Committee of the Soviets. Lack of experience, hostage relations with the new chairman of the Uyezd Executive Committee M.I. Belousov and the head of the Uyezd Financial Department I.V. Kurmakin, as well as the long absence from the uyezd weakened positions of S.I. Tychkov crucially. An additional factor that led to an imbalance in the power dynamic was the appointment of N.V. Ovsyannikov as the head of the organizing department, and later – deputy secretary of the Kirensky Uyezd Committee of the RCP(b). Being a young, energetic and ambitious communist, he stood out noticeably from the rest due to the knowledge that he obtained during the courses for uyezd party workers under the Central Committee of the RCP(b). M.I. Belousov and I.V. Kurmakin supported the career aspirations of N.V. Ovsyannikov, which ultimately resulted in a campaign of members of the presidium to remove S.I. Tychkov from the post of secretary of the Uyezd Committee. On December 22nd 1925, the presidium decided to send S.I. Tychkov to Irkutsk, and on December 23rd – to expel him from the RCP(b). The presidium, without any agreement with the Governorate Committee of the party, appointed N.V. Ovsyannikov as a new secretary of the Uyezd Committee. In this conflict, the governorate party leadership initially supported S.I. Tychkov and ordered to recall M.I. Belousov, I.V. Kurmakin and N.V. Ovsyannikov from Kirensk. The article shows that it was the decision that draw N.V. Ovsyannikov to commit suicide. It concludes that the Governorate Control Commission, which investigated the incident and justified the actions of the Irkutsk Governorate Committee, wrongfully claimed uyezd party leadership, including S.I. Tychkov, was responsible for everything that happened. Thus, suicide became not only the culmination, but also a real turning point of the described conflict, which noticeably distinguishes it from many others.

* **Татьяна Игоревна Морозова**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: mti137@yandex.ru
Tatiana Igorevna Morozova, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: mti137@yandex.ru

Keywords: RCP(b), Kirensk Uyezd Committee of the RCP(b), party and Soviet leadership, power struggle, conflict, interpersonal conflict, suicide, Siberia, Kirensk.

The article has been received by the editor on 03.10.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена одному из эпизодов такого массового явления советской политической повседневности 1920-х годов как склоки. На основе архивных документов, впервые вводимых в научный оборот, автор установила предпосылки, реконструировала ход и охарактеризовала результаты борьбы за пост секретаря Киренского уездного комитета РКП(б). До июня 1925 г. эту должность занимал П.П. Багрянцев, после отзыва которого Иркутский губком РКП(б) отказался прислать нового работника и предложил уездному комитету партии выдвинуть его на месте. В результате пленум Киренского укома единогласно избрал на эту должность С.И. Тычкова, совсем недавно прибывшего в Киренск для работы в качестве председателя уездного исполкома Советов. Отсутствие соответствующего опыта, несложившиеся отношения с новым председателем исполкома М.И. Белоусовым и заведующим уездным финансовым отделом И.В. Курмакиным, а также длительное отсутствие С.И. Тычкова в уезде заметно ослабили его позиции. Дополнительным фактором, внесшим дисбаланс в расстановку сил, стало назначение заведующим организационным отделом, а затем – заместителем секретаря Киренского укома РКП(б) Н.В. Овсянникова. Будучи молодым, энергичным и амбициозным коммунистом, он заметно выделялся на общем фоне благодаря прохождению курсов уездных партийных работников при Центральном комитете РКП(б). Карьерные устремления Н.В. Овсянникова были поддержаны М.И. Белоусовым и И.В. Курмакиным, что, в конечном счете, вылилось в попытку членов президиума снять С.И. Тычкова с поста секретаря уездного комитета. 22 декабря 1925 г. президиум постановил откомандировать его в Иркутск, а 23 декабря – исключить из РКП(б). Новым секретарем укома президиум без какого-либо согласования с губкомом назначил Н.В. Овсянникова. В разразившемся конфликте губернское партийное руководство изначально поддержало С.И. Тычкова и распорядилось М.И. Белоусова, И.В. Курмакина и Н.В. Овсянникова из Киренска отозвать. В статье показано, что именно это решение подтолкнуло Н.В. Овсянникова к совершению самоубийства. Сделан вывод, что расследовавшая инцидент губернская контрольная комиссия не вполне заслуженно оправдала Иркутский губком, переложив ответственность за все произошедшее на уездное партийно-советское руководство, включая С.И. Тычкова. Таким образом, самоубийство стало не только наивысшей, но и по-настоящему поворотной точкой описанного конфликта, что заметно выделяет его из общего ряда.

Ключевые слова: РКП(б), Киренский уездный комитет РКП(б), партийно-советское руководство, борьба за власть, конфликт, склока, самоубийство, Сибирь, Киренск.

Статья поступила в редакцию 03.10.2022 г.

Борьба за власть – неотъемлемая часть и один из важнейших движущих факторов политического процесса в любом государстве. Ее целью может быть как смена действующего политического режима, так и занятие определенных позиций в существующей системе властных отношений.

В России после Октябрьской революции и победы большевиков в Гражданской войне вопрос о власти довольно быстро перешел из политической в индивидуалистическую плос-

кость. Уже в начале 1920-х гг. массовым явлением политической повседневности стали так называемые склоки – межличностные конфликты, не имевшие идеологического содержания. На состоявшемся в конце марта – начале апреля 1922 г. XI Всероссийском партийном съезде член Политбюро ЦК РКП(б) Г.Е. Зиновьев заявил, что склоки, трения и группировки стали «настоящим бичом». При этом Г.Е. Зиновьев даже попытался классифицировать их по составу противоборствовавших сторон: «более молодые [работники] против более старых, уездные против городских, партийные против советских, совнархозовцы против профсоюзцев, и наоборот, губпродкомы с совнархозами, и пр[очее] и пр[очее]»¹.

Несмотря на распространенность такого рода конфликтов, их изучение долгое время оставалось за пределами исследовательских интересов историков. В советской историографии данная проблематика в принципе была табуирована, поскольку, как справедливо заметил В.В. Шабалин, «межличностные ссоры большевиков слабо вписывались в модель классовой борьбы»². После распада СССР ситуация изменилась. Однако по понятным причинам в числе приоритетных тем оказалась внутривнутрипартийная борьба в высших эшелонах власти и/или на любом другом уровне, если она вписывалась в контекст противостояния сначала ленинского, а затем сталинского большинства ЦК с оппозицией³. По мере накопления и углубления знаний о борьбе за власть в 1920-е гг. в целом российские исследователи все чаще стали интересоваться историей отдельных, в том числе локальных межличностных конфликтов⁴. Актуальность данной проблематики авторы правомерно объясняют необходимостью углубления представлений о функционировании советской политической системы, образе жизни партийно-советской номенклатуры, неформальных политических практиках.

Причины, ход и результаты таких конфликтов всегда зависели от комплекса объективных и субъективных факторов. Вместе с тем уже введенный в научный оборот фактический материал свидетельствует, что, как правило, они разрешались путем отзыва одних и назначения других ответственных работников. В этом контексте неординарной выглядит развернувшаяся в сентябре 1925 г. борьба за пост секретаря Киренского уездного комитета РКП(б), наивысшей точкой которой стало самоубийство одного из ключевых участников конфликта. Представляется, что выяснение всех обстоятельств произошедшего позволит решить по меньшей мере три самостоятельные задачи: углубить знания о политических конфликтах середины 1920-х гг., охарактеризовать политическое поведение партийно-советских работников уездного уровня, внести вклад в изучение проблемы самоубийств в Сибири в период новой экономической политики.

* * *

Киренский уезд Иркутской губернии был одним из самых малонаселенных и наиболее отдаленных в Сибири. По данным на 1 июля 1924 г., в уезде проживало только 42,3 тыс. человек, что составляло 6,4 % всего населения губернии⁵. Административный центр уезда –

¹ Протоколы Одиннадцатого съезда РКП(б). М., 1936. С. 424.

² Шабалин В.В. «Склока» как способ саморегуляции районной элиты в 1920-е годы // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2013. Вып. 2 (22). С. 159.

³ Демидов В.В. Политическая борьба и оппозиция в Сибири, 1922–1929 гг. Новосибирск, 1994. 165 с.; Олех Г.Л. «Омское дело» 1922 г.: хроника и смысл событий // Из прошлого Сибири: межвузовский сб. науч. тр. Новосибирск, 1994. Вып. 1. Ч. 1. С. 101–123; Олех Г.Л. Партийная машина РКП(б) в начале 20-х гг.: устройство и функционирование. Новосибирск, 1995; Кружинов В.М. Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала). Тюмень, 2000.

⁴ См., например: Шабалин В.В. «Склока» как способ саморегуляции районной элиты в 1920-е годы // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2013. Вып. 2 (22). С. 159–166; Воробьев С.В. Конфликт в Курганском окружном РКП(б): красные партизаны против заведующего организационным отделом А.Г. Осокина // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2017. № 4 (24). С. 67–78; Воробьев С.В. Случай Н.М. Шверника: конфликт в руководстве Уральской области в 1927–1928 гг. // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Исторические науки. 2019. № 3 (35). С. 36–46; Морозова Т.И. Конфликт в Бурят-Монгольском обкоме РКП(б): формальные и неформальные практики борьбы за власть (март – ноябрь 1925 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 142–153; и др.

⁵ Справочник по Иркутской губернии с приложением календаря, системы метрических мер, извлечений из действующего законодательства, сведений о СССР и важнейших иностранных государствах, карт Иркутской губернии и СССР. 1925 г. Иркутск, 1925. С. 32–33.

город Киренск – располагался в 646 км от Иркутска и в 1566 км от Новониколаевска. Большие расстояния и плохо развитая инфраструктура существенно затрудняли коммуникацию уездного партийно-советского руководства с губернскими и областными/краевыми органами власти. В результате на протяжении первой половины 1920-х гг. ни Иркутский губернский, ни Сибирский краевой комитеты РКП(б) не располагали сколько-нибудь точными сведениями о численности киренской партийной организации.

Главным и едва ли не единственным методом руководства, позволявшим в той или иной степени проводить в уезде политику правящей партии, являлась расстановка кадров. В соответствии со сложившейся практикой, к середине десятилетия оформившейся в так называемую номенклатурную систему, работники на ключевые партийные и советские должности в уезде сначала рекомендовались, а затем утверждались Иркутским губкомом РКП(б). То есть фактически речь шла о назначениях на ответственные должности, внешне замаскированных под демократичные выборы. К началу 1925 г. председателем Киренского уездного исполнительного комитета Советов таким образом стал член партии с 1920 г. В.Ф. Мохов, секретарем Киренского уездного комитета РКП(б) – член партии с 1920 г. П.П. Багрянцев, заведующим организационным отделом укома – член партии с 1919 г. А.Н. Воробьев⁶.

В январе 1925 г. после откомандирования В.Ф. Мохова из Киренска в Иркутск председателем Киренского уисполкома по совместительству был назначен Иван Васильевич Курмакин (рис. 1), занимавший в то время пост заведующего финансовым отделом уисполкома. Год спустя, вспоминая события того времени, П.П. Багрянцев отзывался о И.В. Курмакине следующим образом: «человек он в высшей степени хитрый, карьерист до крайности <...>. На президиумах укома он не терпел (принципиально) возражений товарищей, стоящих ниже его по работе. Хотя зачастую его предложения были абсолютно неприемлемыми. Выдержанности не имел никакой»⁷.

Рис. 1. Члены президиума Киренского уездного комитета РКП(б) (слева направо): М.И. Белоусов, Н.В. Овсянников, В.И. Алмазов, И.В. Курмакин (1925 г.) (ГАО. Ф. П-6. Оп. 3. Д. 11. Л. [б/н])

Негативные качества И.В. Курмакина, а также совмещение им сразу двух важных должностей сделали необходимым поиск новой кандидатуры на пост председателя уисполкома. По решению Иркутского губернского комитета РКП(б) в конце мая 1925 г. для этой

⁶ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 563. Л. 9.

⁷ ГАО. Ф. П-6. Оп. 3. Д. 11. Л. 21.

работы в Киренск был командирован Семен Ильич Тычков. Однако почти одновременно губком отозвал из уезда П.П. Багрянцева, не прислав ему замены, а лишь рекомендовав президиуму укома «кандидатуру секретаря выдвинуть на месте»⁸. Источников, которые позволили бы объяснить данное решение губернского руководства, нет. Наиболее убедительными выглядят версии об общем дефиците квалифицированных кадров, а также нежелании большинства работников ехать в столь отдаленную местность. Таким образом, получив усиление в виде одного ответственного работника, партийно-советское руководство Киренского уезда тут же лишилось другого.

По свидетельству самого П.П. Багрянцева, вопрос о кандидатуре нового секретаря укома был поставлен еще до его отъезда из Киренска. В середине июня 1925 г. на уездной партийной конференции после длительного обсуждения единогласно было принято решение «т[ов.] Тычкова с должности пред[седателя] уика снять и провести его секретарем укома»⁹. Кроме того, партконференция в соответствии со своей компетенцией сформировала новый состав президиума укома, в который, наряду в С.И. Тычковым, были избраны Иван Петрович Ягнышёв, одновременно назначенный заведующим организационным отделом укома, заведующий уездным финансовым отделом Иван Васильевич Курмакин, уполномоченный ОГПУ по Киренскому уезду Василий Иванович Алмазов (см. рис. 1), помощник уездного прокурора Иван Антонович Клабуков¹⁰, секретарь городской ячейки профсоюза водников Антон Степанович Гробовский, член той же ячейки Павел Гаврилович Лесков.

Первостепенной задачей для нового состава президиума укома стал поиск кандидата на пост председателя уисполкома Советов. Имевший соответствующий опыт И.В. Курмакин, по всей видимости, приложил много усилий, чтобы убедить президиум вновь выдвинуть его на эту должность, но по неофициальной рекомендации П.П. Багрянцева С.И. Тычков заблокировал это решение¹¹. Произошедшее закономерно вызвало негативную реакцию И.В. Курмакина и, вероятно, заложило серьезные предпосылки для взаимной неприязни и конфронтации.

В конце лета – начале осени 1925 г. Иркутский губернский комитет РКП(б) все-таки попытался укрепить Киренский уезд ответственными работниками. С этой целью в середине августа по решению губкома в город прибыл Н.В. Овсянников (см. рис. 1).

Николай Васильевич родился в 1903 г. в крестьянской семье. Окончил три класса начального училища, подрабатывал чернорабочим. Несмотря на юный возраст, с мая 1919 г. принимал участие в Гражданской войне на стороне Красной армии. Будучи коммунистом, служил политруком во 2-й Харьковской бригаде РККА. При этом свое вступление в РКП(б) в различных анкетах Н.В. Овсянников датировал по-разному: февралем, мартом или апрелем 1920 г.¹² После демобилизации в апреле 1921 г. работал заведующим отделом труда в Балаганском уезде Иркутской губернии, а с сентября 1922 г. – одновременно уполномоченным Иркутского губернского совета профессиональных союзов в г. Балаганске. Секретарь Балаганского укома РКП(б) характеризовал Н.В. Овсянникова как практика марксизма, умеющего подбирать работников и ориентироваться в политической обстановке. В том же отзыве исключительно с положительной стороны оценивались и другие качества Н.В. Овсянникова: «Имеются агитационные и пропагандистские способности. Уклонов и колебаний в сторону от большевизма и марксизма за время пребывания в Балаганской организации не замечалось. Политически выдержан. Настойчив в проведении принятых решений. Владеть собой, признавать свои ошибки и сделать из них соответствующие выводы может. Отношение к товарищам по партии, по работе и к подчиненным хорошее. Наклонностей к склоке не наблюдается»¹³.

В июне 1923 г. Н.В. Овсянников был переведен в Иркутский уезд на работу в Усольское районное бюро профессиональных союзов. Там он сначала руководил культурной

⁸ ГАНО. Ф. П-6. Оп. 3. Д. 11. Л. 21 об.

⁹ Там же.

¹⁰ В некоторых документах ошибочно именуется Каблуковым.

¹¹ ГАНО. Ф. П-6. Оп. 3. Д. 11. Л. 21 об.

¹² Там же. Л. 170 об., 176, 184 об.

¹³ Там же. Л. 172.

работой, а затем его повысили до секретаря райпрофбюро. В декабре 1923 г. Н.В. Овсянников пытался освободиться от этой должности по собственному желанию, но тогда Иркутский уездный комитет РКП(б) отказал ему в удовлетворении данной просьбы¹⁴. Однако весной 1924 г. ситуация изменилась: 23 апреля уком вынес Н.В. Овсянникову выговор за «уклонение от партобязанностей и оторванность от парторганов», в связи с чем сам отстранил его от работы с запретом занимать ответственные должности сроком на один год. Полтора месяца спустя Н.В. Овсянников обжаловал данное решение в вышестоящих органах. В результате 12 июня 1924 г. партколлегия губернской контрольной комиссии отменила решение Иркутского укома о снятии Н.В. Овсянникова с ответственной работы, подтвердив, однако, вынесение ему выговора за нарушение партийной дисциплины¹⁵.

Вскоре после этого Иркутский губком РКП(б) откомандировал Н.В. Овсянникова в Зиминский уезд, что, по всей видимости, имело решающее значение для его дальнейшей карьеры. Дело в том, что уже в июле 1924 г. президиум Зиминского уездного комитета партии констатировал, что заведующий орготделом укома тяжело болен и «нет никакой надежды на выздоровление»¹⁶. Приезд Н.В. Овсянникова и отсутствие в уезде более подходящих кандидатур обусловили его назначение на внезапно освободившуюся должность. За три последующих месяца на новом посту Н.В. Овсянников зарекомендовал себя как инициативный работник, принимавший активное участие в деятельности уездного комитета РКП(б) и заслуживающий повышения по партийной линии¹⁷. Вероятно, поэтому, когда в сентябре 1924 г. Иркутский губком РКП(б) получил разверстку на отправку коммунистов в Москву для прохождения курсов уездных партработников при ЦК РКП(б), выбор пал в том числе на Н.В. Овсянникова.

Учитывая, что со всего СССР осенью 1924 г. на данные курсы было направлено только 320 человек, можно оценивать зачисление на них Н.В. Овсянникова как большую удачу. Продолжительность обучения составляла девять месяцев, а программа включала девять различных предметов – от «политической экономии» и «исторического материализма» до курсов, посвященных практическим вопросам государственного и партийного строительства¹⁸. По результатам обучения Н.В. Овсянников получил следующий отзыв: «В течение прохождения курса систематизировал и теоретически обосновал опыт предшествующей партийно-советской работы. Обнаружил значительный рост в развитии и знаниях. Правильно ориентируется в политической обстановке и вопросах партстроительства. В партийном и бытовом отношении проявил себя как выдержанный и дисциплинированный член партии. Уклонов теоретических и в вопросах партийной политики и партстроительства нет. Кроме учебы выполнял на курсах партийно-общественную работу. Развитие и способности хорошие. Усвоил предметы курса хорошо. Имеет навык к самостоятельной работе. Излагает мысли ясно. Может быть рекомендован на партийно-организационную работу в уездном масштабе, под руководством»¹⁹.

Именно в соответствии с этой рекомендацией после прохождения курсов уездных партработников при ЦК РКП(б) Н.В. Овсянникова командировали в Киренск. С 1 сентября он был назначен заведующим организационным отделом уездного комитета партии²⁰, сменив на этом посту И.П. Ягнышёва, переведенного на работу в уездный исполком Советов. В связи с данной перестановкой изменения были произведены и в составе президиума Киренского укома РКП(б): вместо выбывшего И.П. Ягнышёва кооптирован Н.В. Овсянников.

Вслед за ним Иркутский губком РКП(б) направил в Киренск еще одного работника – Михаила Ипполитовича Белоусова (см. рис. 1), рекомендовав уездному партийно-советскому руководству обеспечить его избрание председателем исполкома Советов. Однако, по свиде-

¹⁴ ГАНО. Ф. П-6. Оп. 3. Д. 11. Л. 173.

¹⁵ Там же. Л. 176–176 об.

¹⁶ Там же. Л. 175.

¹⁷ Там же. Л. 174.

¹⁸ Программа курсов уездных партработников // Известия ЦК РКП(б). М., 1924. № 1 (6). С. 7.

¹⁹ ГАНО. Ф. П-6. Оп. 3. Д. 11. Л. 177.

²⁰ Там же. Л. 168.

тельству самого М.И. Белоусова, в Киренске он неожиданно столкнулся с сопротивлением секретаря укома С.И. Тычкова. Ссылаясь на незнание М.И. Белоусова как работника, С.И. Тычков фактически самоустранился, поручив выполнение директивы губкома только что приступившему к работе Н.В. Овсянникову. Именно при его содействии 3 сентября 1925 г. уездный съезд Советов единогласно избрал М.И. Белоусова председателем уездного комитета Советов²¹.

Вскоре после этого, 20 сентября 1925 г., С.И. Тычков выехал из Киренска в Иркутск, чтобы принять участие в губернской партийной конференции²². Там он был избран делегатом на вторую Сибирскую краевую конференцию РКП(б), запланированную на 27 ноября – 2 декабря 1925 г., и потому из Иркутска сразу направился в Новониколаевск. С учетом дороги командировка С.И. Тычкова заняла в общей сложности три месяца.

Заранее осознавая, что поездка С.И. Тычкова будет долгой, 26 сентября 1925 г. президиум Киренского уездного комитета РКП(б) постановил назначить Н.В. Овсянникова заместителем секретаря укома²³. Объективной предпосылкой для выбора именно этой кандидатуры стала занимаемая Н.В. Овсянниковым должность: по сложившейся в партии традиции в большинстве случаев именно заведующий орготделом являлся вторым человеком в партийном комитете. Дополнительным основанием, несомненно, являлось прохождение им курсов уездных партработников – по всей видимости, в отсутствие С.И. Тычкова Н.В. Овсянников на самом деле оказался наиболее квалифицированным работником в Киренске.

Информация о том, что происходило в уезде в отсутствие С.И. Тычкова, разнится. Сохранившиеся источники позволяют сформулировать по меньшей мере две гипотезы. Первая основана на письменных объяснениях, которые в начале 1926 г. были даны П.П. Багрянцевым и М.И. Белоусовым Иркутской губернской контрольной комиссии ВКП(б)²⁴. Упомянутые документы подтверждают версию, что М.И. Белоусов и И.В. Курмакин имели личные счеты с С.И. Тычковым. Следовательно, у них был веский мотив для того, чтобы последовательно и методично убеждать Н.В. Овсянникова в необходимости сместить С.И. Тычкова с должности секретаря укома.

Вторая гипотеза базируется на свидетельствах председателя районного комитета профсоюза работников водного транспорта в Киренске П.И. Бакшука, также являвшегося непосредственным свидетелем событий. По его мнению, главным виновником склоки был именно Н.В. Овсянников, который «после от[ъ]езда Тычкова развил необычайную активность, выпячивая себя во всех случаях безусловно как центральную фигуру, что, конечно, действовало на недостаточно политически выдержанных членов президиума [укома] и некоторых тов[арищей] и[з числа] городского актива»²⁵.

Так или иначе (по собственной инициативе или же подталкиваемый М.И. Белоусовым и И.В. Курмакиным), Н.В. Овсянников в отсутствие С.И. Тычкова стал предпринимать неоднократные попытки дискредитировать его перед другими членами президиума и местным партийно-советским активом. По свидетельству члена РКП(б) Адамии, только с ним Н.В. Овсянников четырежды заводил разговор об «отношении к “старому секретарю”». 21 декабря 1925 г., в день возвращения С.И. Тычкова в Киренск, Адамия передал ему письмо, в котором не только сообщил об этих беседах, но и выразил свое к ним отношение: «Такие его подходы невольно настораживали и наводили на мысль, что Овсянникову до смерти хочется стать секретарем укома»²⁶.

В том же письме Адамия ссылаясь на М.И. Белоусова, якобы сообщившего ему, что почти все члены президиума уездного комитета против С.И. Тычкова и намерены «секретарем поставить Овсянникова». По словам Адамии, на вопрос о том, как они собираются осуществить столь рискованный план, М.И. Белоусов объяснял: «Как только приедет Тычков,

²¹ ГАНО. Ф. П-6. Оп. 3. Д. 11. Л. 37.

²² Там же. Л. 125.

²³ Там же. Л. 179.

²⁴ Там же. Л. 21–22, 37–38.

²⁵ См.: ГАНО. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 7. Л. 15.

²⁶ ГАНО. Ф. П-6. Оп. 3. Д. 11. Л. 31.

президиум, не допуская Тычкова до секретарства, предложит ему “отказаться” по болезни или другим причинам и уехать»²⁷. То есть замысел состоял в том, чтобы самовольно откомандировать С.И. Тычкова из Киренска, поставив Иркутский губком РКП(б) перед свершившимся фактом, что, безусловно, являлось серьезным нарушением установленных в партии правил и порядков.

М.И. Белоусов позднее не подтверждал подлинность таких разговоров. Кроме того, он заявлял, что был кооптирован в состав президиума Киренского уездного комитета РКП(б) только 8 декабря, пытаясь тем самым приуменьшить свою роль в заговоре. Вместе с тем М.И. Белоусов не скрывал своего отношения к С.И. Тычкову, утверждая, что тот, в отличие от Н.В. Овсянникова, «как секретарь укома в работе слаб»²⁸.

Письмо Адамии не только не смогло предотвратить заговор, но, напротив, ускорило цепочку событий. Будучи проинформирован о планах Н.В. Овсянникова и М.И. Белоусова, 22 декабря 1925 г. С.И. Тычков сам инициировал закрытое заседание президиума уездного комитета. На нем он заявил присутствовавшим, что знает о действиях, направленных на подрыв его авторитета, однако в результате не получил ни сочувствия, ни поддержки. Члены президиума единогласно выступили за откомандирование С.И. Тычкова в распоряжение Иркутского губкома и назначение секретарем Н.В. Овсянникова²⁹.

Сразу после заседания С.И. Тычков направил в Иркутск две срочные телеграммы. В первой он кратко информировал губком партии о решении президиума и просил немедленных указаний³⁰. Вторая была более пространной и эмоциональной. В ней С.И. Тычков обвинял Н.В. Овсянникова в таких «гнусных проделках», как «дача директив ГПУ» и «фабрикация материалов», а также уличал президиум в пьянстве. Общее состояние киренской партийной организации он оценивал как критическое. На этом основании С.И. Тычков просил губком срочно выслать в Киренск комиссию для улаживания конфликта, а до ее прибытия предоставить ему чрезвычайные полномочия вплоть до права на роспуск президиума. В случае невозможности удовлетворить данную просьбу С.И. Тычков ходатайствовал о разрешении выехать в Иркутск³¹.

По стечению обстоятельств в разгар описанного конфликта секретарь Иркутского губернского комитета А.В. Гриневиц находился в Москве, где с 18 по 31 декабря 1925 г. проходил XIV съезд РКП(б). Поэтому вся тяжесть разрешения сложившейся ситуации легла на заведующего организационным отделом губкома И.А. Спинова.

Наряду с вышеупомянутыми телеграммами 22 декабря 1925 г. И.А. Спинов получил еще два срочных сообщения, прямо противоречивших друг другу. С одной стороны, члены президиума Киренского укома В.И. Алмазов, М.И. Белоусов, Н.С. Горнаков³², И.В. Курмакин, И.А. Клабуков и П.Г. Лесков в качестве причин снятия С.И. Тычкова с должности называли его неспособность осуществлять практическое и деловое руководство, отсутствие авторитета среди партийных и беспартийных масс, а также «оторванность [от] низовых партийцев». Отправители телеграммы пытались убедить И.А. Спинова, что никакой намеренной работы по дискредитации С.И. Тычкова Н.В. Овсянников среди членов президиума не вел, а его избрание новым секретарем укома вызвано исключительно деловыми соображениями³³. С другой стороны, четверо представителей партийного актива уездной комсомольской организации спешили сообщить И.А. Спинову, что, по их мнению, смещение С.И. Тычкова с поста неправильно, а авторитет Н.В. Овсянникову создан искусственно³⁴.

²⁷ ГАНО. Ф. П-6. Оп. 3. Д. 11. Л. 32.

²⁸ Там же. Л. 37–37 об.

²⁹ Там же. Л. 37 об.

³⁰ Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2357. Л. 1.

³¹ Там же. Л. 4–5; ГАНО. Ф. П-6. Оп. 3. Д. 11. Л. 39–39 об.

³² Выдвиженец из крестьян, член партии с 1920 г., введен в состав президиума после июньской уездной конференции РКП(б).

³³ ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2357. Л. 2–3.

³⁴ Там же. Л. 7.

На следующий день, 23 декабря 1925 г., президиум Киренского укома собрался на очередное закрытое заседание. Однако на этот раз С.И. Тычков не только не был инициатором, но и вовсе уклонился от участия, сказавшись больным. Председательствовавший на заседании Н.В. Овсянников зачитал шифротелеграмму, накануне направленную С.И. Тычковым в Иркутск. Ее копия, судя по всему, была получена В.И. Алмазовым по линии ОГПУ. Озвученный документ был использован Н.В. Овсянниковым, чтобы обвинить С.И. Тычкова в попытке настроить отдельных коммунистов против членов президиума. По итогам обсуждения президиум постановил процитированную телеграмму «считать явно ложной сводкой», состояние киренской парторганизации признать нормальным, С.И. Тычкова за предоставление «ложных сведений высшим партийным органам» и попытку дискредитировать президиум укома из рядов РКП(б) исключить³⁵. Дополнительным основанием для принятия столь кардинального решения стала отсылка к личному делу С.И. Тычкова, в котором был зафиксирован выговор, вынесенный ему в прошлом во время работы в пензенской партийной организации за якобы имевшую место дезинформацию ЦК РКП(б).

Постановление президиума уездного комитета было доведено до Иркутского губкома по прямому проводу поздним вечером 23 декабря. Члены президиума заверили И.А. Спинова, что «состояние организации здоровое, пьянства нет, все, что сообщено губкому [в шифротелеграмме], является изысканиями путей оправдания самим Тычковым». В ответ И.А. Спиров напомнил, что в июне 1925 г. пленум Киренского укома РКП(б) избрал С.И. Тычкова секретарем единогласно, и просил сообщить, «чем объясняет президиум выборы секретарем неавторитетного человека». И.А. Спирова также интересовало, в чем конкретно заключалась слабость работы С.И. Тычкова и какие низовые парторганизации выдвинули вопрос о его замене³⁶.

Сразу после этого И.А. Спиров переговорил по прямому проводу и с самим С.И. Тычковым. Последний сообщал, что члены президиума рассчитывали вынудить его «подать заявление с просьбой о выезде [из Киренска] по болезни», а также пытались не допустить его до разговора с губкомом по прямому проводу. Также он сообщал, что направленные им накануне в Иркутск телеграммы были отобраны у заведующего конторой и попали в руки членов президиума. С.И. Тычков просил губком отменить постановление о его исключении из РКП(б) и вновь требовал наделить его особыми полномочиями до приезда специальной комиссии. Однако И.А. Спиров как в предоставлении полномочий по роспуску президиума, так и в выезде в Иркутск категорически отказал³⁷. Вместе с тем он требовал, чтобы возникший конфликт не был вынесен на обсуждение широких масс. Это условие было предъявлено как С.И. Тычкову, так и всем остальным членам президиума.

Ответы на вопросы, поставленные И.А. Спировым перед членами президиума в разговоре по прямому проводу, были направлены ему срочной телеграммой 24 декабря. В ней утверждалось, что идея снятия С.И. Тычкова с должности якобы была выдвинута секретарем городской ячейки профсоюза водников³⁸, состоявшими в партии рабочими от станка и, как будто бы, даже отдельными делегатами губпартконференции. Отправители телеграммы в очередной раз настаивали на том, что С.И. Тычков не имеет авторитета среди партийной массы, а его избрание на пленуме объяснили отсутствием альтернативы: они напомнили, что летом 1925 г. губком отказался командировать в Киренск подходящего работника и предложил им выбирать «по своему усмотрению», что и было сделано. К озвученным ранее обвинениям в адрес С.И. Тычкова члены президиума добавили еще одно, не менее серьезное, заявив об использовании им служебного положения для получения двойного жалования. Чтобы убедить губком в своей правоте, члены президиума предлагали выслать в Киренск специальную комиссию для проверки приведенных фактов. В заключение

³⁵ ГАНО. Ф. П-6. Оп. 3. Д. 11. Л. 39–40.

³⁶ ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2357. Л. 8–9.

³⁷ Там же. Л. 11–13.

³⁸ В телеграмме не указывалась фамилия, но, по всей видимости, речь шла о А.С. Грбовском.

президиум настоятельно просил утвердить Н.В. Овсянникова секретарем укома и дать дальнейшие указания³⁹.

С.И. Тычков в то же время пытался донести до губкома альтернативный взгляд на сложившуюся ситуацию. Короткой телеграммой он сообщал, что состоявшийся накануне его разговор с И.А. Спириным под давлением ГПУ был выдан членам президиума, а за домом, где он проживал, установлена слежка⁴⁰.

Для разрешения конфликта 24 декабря 1925 г. И.А. Спиринов созвал заседание бюро Иркутского губернского комитета РКП(б). Противоречивость информации, полученной из Киренска, привела к тому, что мнения членов бюро губкома разделились. Однако четырьмя голосами против трех оно все же постановило указания, ранее данные И.А. Спириным уездному комитету, одобрить, решения президиума о назначении нового секретаря укома и исключении С.И. Тычкова из РКП(б) отменить, Н.В. Овсянникова, М.И. Белоусова и И.В. Курмакина срочно отозвать из Киренска в Иркутск. Вместо них бюро губкома рекомендовало ввести в состав президиума коммунистов Адамию, В.П. Завадского и И.А. Шергина, а обязанности секретаря укома до того, как в Киренск будет командирован подходящий работник, снова возложить на С.И. Тычкова⁴¹.

25 декабря И.А. Спиринов вновь вызвал членов президиума Киренского укома по прямому проводу, чтобы зачитать им постановление бюро Иркутского губкома. Затем к телефону был приглашен В.И. Алмазов, которому начальник Иркутского отдела ОГПУ Д.В. Шлёнов в категорической форме приказал прекратить использование аппарата ОГПУ «в склочных целях», имея в виду изъятие телеграмм С.И. Тычкова, записей его разговоров с губкомом и слежку. Кроме того, Д.В. Шлёнов потребовал от В.И. Алмазова «из склоки выйти, поддерживать всем авторитетом решения губкома», а также ставить его в известность «о всех новых нездоровых явлениях»⁴². Главным итогом переговоров стали обещания Н.В. Овсянникова и С.И. Тычкова выполнить все директивы губкома⁴³.

На самом же деле Н.В. Овсянников, М.И. Белоусов и И.В. Курмакин восприняли постановление бюро как личное поражение, с которым они вовсе не хотели мириться. Вечером того же дня заведующий киренской конторой Бронников, отвечавший за организацию переговоров по прямому проводу, был вызван в уком, где, по его словам, проходило закрытое заседание президиума в составе Н.В. Овсянникова, В.И. Алмазова, М.И. Белоусова, И.А. Клабукова и И.В. Курмакина. По свидетельству Бронникова, присутствовавшие были пьяны. Стуча кулаками по столу и угрожая арестом, они пытались выяснить у него, о чем С.И. Тычков говорил с губкомом, негативно отзывались о В.П. Завадском и И.А. Шергине, а также обсуждали возможность реванша⁴⁴.

По косвенным данным, на следующий день, 26 декабря, И.В. Курмакин и Н.В. Овсянников продолжали обсуждение планов на квартире последнего⁴⁵. После этого, около пяти часов вечера, Н.В. Овсянников разослал членам президиума, включая С.И. Тычкова, записки, в которых требовал срочно явиться в уком⁴⁶.

Первым откликнулся Н.С. Горнаков. Позднее в своем объяснении губернской контрольной комиссии он так описывал произошедшее: «Я пришел по вызову Ов[сяннико]ва. Он ходил у себя в кабинете, волновался и спросил меня: “Знаешь директиву г[уб]к[о]ма?” Я ответил “знаю”. Он сказал еще: “Неправильно мы сделали”. <...> Я взял со стола газету, прислонился к окну, в это время он вышел, прикрыл за собой дверь. Со времени моего прихода продлилось не более минуты. Еще он говорил: “Губком сменял семь человек на

³⁹ ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2357. Л. 16–16 об.

⁴⁰ Там же. Л. 19.

⁴¹ ГАНО. Ф. П-6. Оп. 3. Д. 11. Л. 130.

⁴² ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2357. Л. 33.

⁴³ Там же. Л. 33–39.

⁴⁴ Там же. Л. 22–22 об.

⁴⁵ ГАНО. Ф. П-6. Оп. 3. Д. 11. Л. 149 об.

⁴⁶ Там же. Л. 41 об.

одного”. Я слышал крик Овсянникова: “Горнаков, скажи г[уб]к[о]му, что я сказал!”. Раздался выстрел. Я выскочил. Овсянников в это время упал в комнате»⁴⁷.

К тому времени, когда в уком пришли остальные члены президиума, Н.В. Овсянников был мертв. Прочитанные выше показания Н.С. Горнакова дают основания утверждать, что главной причиной самоубийства Н.В. Овсянникова стало постановление бюро губкома о его откомандировании из Киренска. Осознав поражение в борьбе за пост секретаря уездного комитета, он понял, что произошедшее грозит ему не только отзывом в распоряжение Иркутского губкома РКП(б), где пришлось бы объясняться за свои поступки, но и неизбежно отразится на его дальнейшей карьере. Репутационный ущерб, понесенный Н.В. Овсянниковым в результате неудачной попытки подсадить С.И. Тычкова, перечеркивал все его предыдущие заслуги.

В пользу данной версии служат предсмертные записки, обнаруженные Н.С. Горнаковым в кабинете Н.В. Овсянникова. Две из них прямо отсылали к состоявшемуся накануне разговору по прямому проводу. Так, Иркутскому губернскому комитету РКП(б) была адресована следующая записка: «Директива выполнена на 100 %. А где же демократия[?]»⁴⁸ (рис. 2). Тем самым Н.В. Овсянников упрекал губком в игнорировании позиции поддержавших его членов президиума, но одновременно демонстрировал, что как коммунист подчиняется партийной дисциплине, хотя и в таком извращенном варианте – предпочитая откомандированию с должности уход из жизни. Вторая записка была предназначена В.И. Алмазову и на фоне первой выглядела еще более саркастической: «Предлагаю всем президиум[ом] выпол[нить] директиву губкома [на] 100 %»⁴⁹.

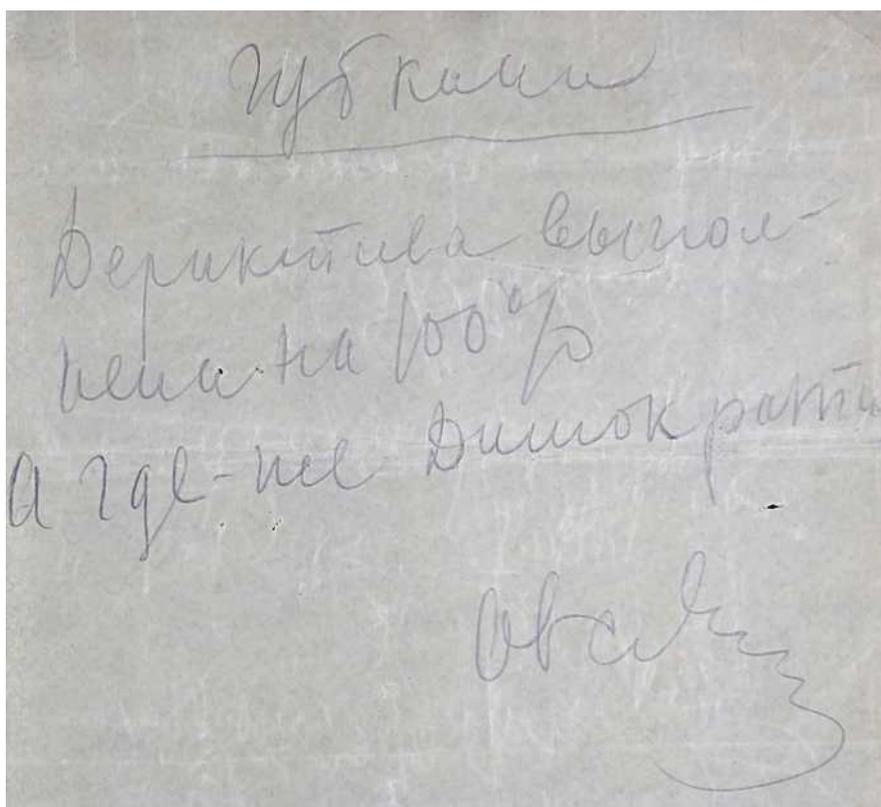

Рис. 2. Предсмертная записка Н.В. Овсянникова, адресованная Иркутскому губкому РКП(б) (26 декабря 1925 г.) (ГАО. Ф. П-6. Оп. 3. Д. 11. Л. 30)

⁴⁷ ГАО. Ф. П-6. Оп. 3. Д. 11. Л. 103–103 об.

⁴⁸ Там же. Л. 30.

⁴⁹ Там же. Л. 24.

Остальные три послания носили скорее личный характер. «Пана, прости, – писал Н.В. Овсянников жене, – иначе не мог, поцелуй Нелю, пусть будет такая же, как отец»⁵⁰. М.И. Белоусова и И.В. Курмакина Н.В. Овсянников просил довести его жену и ребенка в Иркутск⁵¹ (рис. 3), С.И. Тычкова – устроить жену на службу⁵². Эти короткие реплики, написанные, вероятно, в последние часы жизни, не оставляли возможности списать произошедшее на какие-либо семейные неурядицы.

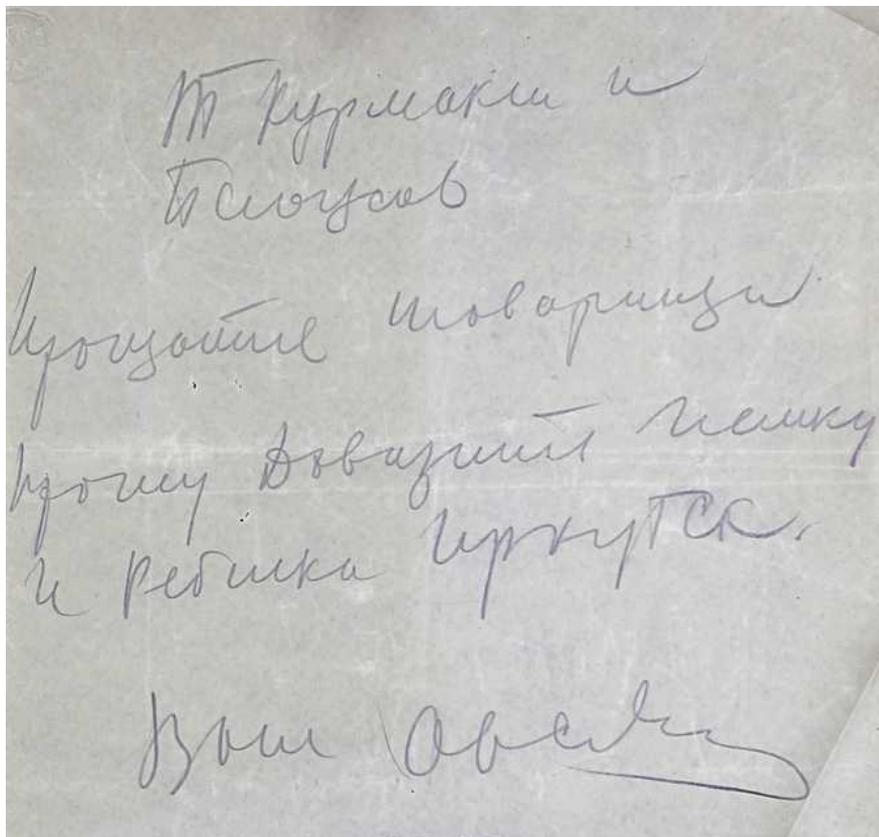

Рис. 3. Предсмертная записка Н.В. Овсянникова на имя М.И. Белоусова и И.В. Курмакина (26 декабря 1925 г.) (ГАНО. Ф. П-6. Оп. 3. Д. 11. Л. 27)

Ввиду экстраординарности события в ночь на 27 декабря 1925 г. С.И. Тычков направил И.А. Спинову срочную телеграмму: «26 декабря вечером [в] уюке [в] присутствии члена президиума Горнакова застрелился Овсянников».

Днем 27 декабря 1925 г. И.А. Спиров запросил по прямому проводу С.И. Тычкова о причинах и обстоятельствах гибели Н.В. Овсянникова, поведении остальных членов президиума и мерах, принятых «для правильного освещения перед организацией вопроса о самоубийстве»⁵³. В ответ С.И. Тычков сообщал, что в 11 часов утра в Киренске состоялось заседание городского партийного актива в составе 30 человек, которые были проинформированы о кадровых решениях бюро Иркутского губкома РКП(б) и ознакомлены с новым составом президиума: С.И. Тычков, Адамия, В.И. Алмазов, В.П. Завадский, И.А. Клабуков, Ф.Д. Куракин, И.А. Шергин⁵⁴. Поступок Н.В. Овсянникова С.И. Тычков предложил интерпретировать как самоубийство «на почве припадка», упомянув, однако, наличие слухов среди партактива о том, что причиной суицида стало совершение Н.В. Овсянниковым некоего преступления перед партией. Выслушав С.И. Тычкова, И.А. Спиров согласился с медицин-

⁵⁰ ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2357. Л. 25.

⁵¹ ГАНО. Ф. П-6. Оп. 3. Д. 11. Л. 27.

⁵² Там же. Л. 26.

⁵³ ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2357. Л. 23.

⁵⁴ Там же. Л. 24.

ской версией самоубийства, предложив при этом совершенные Н.В. Овсянниковым ошибки «сильно не раздувать»⁵⁵.

Для подтверждения официальной версии Иркутский губком РКП(б) даже заверил копии двух справок, выданных Н.В. Овсянникову врачом 10 и 14 декабря 1925 г. В них перечислялись такие симптомы, как «эпилептические припадки, общая слабость, повышенная нервная возбудимость», а в качестве диагноза было указано «подозрение на эпилепсию»⁵⁶. Установить, были эти копии сделаны с подлинных документов или же просто сфабрикованы задним числом, не представляется возможным. Однако и в заявлении Прасковьи Овсянниковой в Иркутскую губернскую контрольную комиссию, а также в письме, которое, уже будучи вдовой, она получила от матери Н.В. Овсянникова, действительно упоминались его «слабое здоровье», «болезнь» и возможный «припадок»⁵⁷.

Смерть одного из участников конфликта заметно усложнила ситуацию и вынудила И.А. Спинова обратиться за советом к секретарю Иркутского губкома А.В. Гриневичу, все еще находившемуся на XIV съезде РКП(б). В телеграмме, отправленной в Москву 28 или 29 декабря, И.А. Спинов сообщал, что Н.В. Овсянников застрелился после распоряжения губкома об отзыве из Киренска «инициаторов склоки», упомянул записку с вопросом «где же демократия» и просил рекомендовать дату созыва пленума губкома⁵⁸.

Ответная телеграмма поступила в губком вечером 29 декабря. В ней А.В. Гриневич заявил, что считает целесообразным С.И. Тычкова также снять с должности секретаря. Кроме того, А.В. Гриневич предлагал как можно скорее обратиться в Сибирский краевой комитет РКП(б) с просьбой послать в Киренск работников за счет других уездов и районов⁵⁹.

В начале января 1926 г. в город прибыл уполномоченный Иркутского губкома партии А.С. Трифонов, выехавший в командировку за день до самоубийства Н.В. Овсянникова⁶⁰. Основными задачами А.С. Трифонова были выяснение на месте всех обстоятельств склоки и ликвидация ее последствий.

5 января А.С. Трифонов принял участие в закрытом заседании президиума Киренского укома. В ходе продолжительной дискуссии он подверг резкой критике предсмертную записку Н.В. Овсянникова и его последние слова о том, что «губком сменил семь человек на одного». А.С. Трифонов объяснял, что «никаких претензий на нарушение демократии со стороны губкома не может быть», потому что «демократия не заключается в решении президиума укома партии». Эту точку зрения горячо поддержал В.П. Завадский, заявивший, что «демократия разрешается не семеркой, а внеочередной конференцией, в крайнем случае внеочередным пленумом»⁶¹. Главным результатом этого заседания стало решение о необходимости проводить директивы Иркутского губкома, но при этом держать в секрете подробности произошедшего⁶².

Неделю спустя, 12 января 1926 г., новость о самоубийстве Н.В. Овсянникова была доведена до членов бюро Сибирского краевого комитета ВКП(б). Приняв информацию к сведению, бюро Сибкрайкома признало необходимым произвести инструкторское обследование киренской партийной организации⁶³. Несколько дней спустя это решение было подтверждено Сибирской краевой контрольной комиссией ВКП(б) (далее – СибКК), которая одновременно постановила «просить Сибкрайком снять с работы тов. Тычкова немедленно»⁶⁴.

23 января 1926 г. президиум Иркутской губернской контрольной комиссии (губКК) по рекомендации СибКК принял решение командировать в Киренск сроком на два месяца

⁵⁵ ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2357. Л. 24–27.

⁵⁶ ГАНУ. Ф. П-6. Оп. 3. Д. 11. Л. 20.

⁵⁷ Там же. Л. 23–23 об.

⁵⁸ ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2357. Л. 40.

⁵⁹ Там же. Л. 41.

⁶⁰ Там же. Л. 27.

⁶¹ ГАНУ. Ф. П-6. Оп. 3. Д. 11. Л. 70–71.

⁶² Там же. Л. 72.

⁶³ ГАНУ. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 7. Л. 40.

⁶⁴ ГАНУ. Ф. П-6. Оп. 3. Д. 11. Л. 134.

ответственного секретаря партколлегии М.М. Магдюка. Ему было поручено расследовать самоубийство Н.В. Овсянникова и обследовать состояние уездной партийной организации⁶⁵.

М.М. Магдюк прибыл в Киренск в первой декаде февраля, ознакомился с официальными документами, после чего приступил к личным беседам с участниками конфликта, подробно записывая и анализируя их объяснения. На основе этих материалов уже 13 февраля он подготовил краткое письмо на имя председателя Иркутской губКК И.А. Сумина, в котором утверждал, что среди партийно-советского руководства уезда отсутствует «товарищеская спайка», зато царит страх ответственных работников друг перед другом. «Мне кажется, – докладывал И.А. Сумину М.М. Магдюк, – губкому придется подумать о посылке сюда работников, иначе здесь дело с места не сдвинется, а нездоровая атмосфера все будет усугубляться»⁶⁶.

Написание официального заключения по делу Н.В. Овсянникова заняло у М.М. Магдюка четыре дня: с 26 февраля по 1 марта 1926 г. Основные выводы этого 15-страничного документа сводились к тому, что президиум Киренского уездного комитета «заговорщическим путем подготовил смещение секретаря укома и без санкции пленума провел это в жизнь», приняв тем самым на себя права уездной партийной конференции. В заключении утверждалось, что Н.В. Овсянников не только не был жертвой, но и сам лично вместе с другими членами президиума «поставил крест на идее широкой внутрипартийной демократии»⁶⁷.

Наряду с Н.В. Овсянниковым обвинение было предъявлено еще девяти коммунистам, включая С.И. Тычкова. В ходе расследования был сделан вывод, что действовавший секретарь укома, вернувшись в Киренск и «застав на месте склоку, потерял самообладание и веру в большинство пленума, чем ввел в заблуждение г[уб]к[ом]». Положение С.И. Тычкова усугублялось тем, что М.М. Магдюк не нашел доказательств организации пьянок на квартире В.Н. Овсянникова, о которых информировал С.И. Тычков, но зато подтвердил факт незаконного получения С.И. Тычковым «второго оклада из редак[ции] “Киренской правды”»⁶⁸.

20–21 марта 1926 г. М.М. Магдюк представил свое заключение в виде доклада на заседании президиума Иркутской губКК. На основе заслушанной информации присутствовавшие признали руководство Иркутского губкома киренской партийной организацией «достаточным», а осуществляемый им подбор кадров «удовлетворительным»⁶⁹. Таким образом, контрольная комиссия фактически сняла с членов губернского комитета ВКП(б) всякую ответственность за произошедшее, целиком и полностью возложив вину на уездных партийно-советских работников. Практическим выражением этого стал целый ряд кадровых решений и дисциплинарных взысканий. Так, И.В. Курмакина и М.И. Белоусова исключили из ВКП(б), С.И. Тычкову был объявлен выговор с запретом занимать руководящие партийные должности, И.А. Клабукову и В.И. Алмазову – строгий выговор со снятием с работы в Киренске и откомандированием в другую организацию, Н.С. Горнакову, П.Г. Лескову и А.С. Гротовскому – строгий выговор. Примечательно, что наряду с вышеперечисленными коммунистами к ответственности оказался привлечен также заведующий агитационно-пропагандистским отделом Киренского укома Ф.Д. Куракин. Согласно заключению М.М. Магдюка, он обвинялся в том, что знал о заговоре, но «не сделал ни малейшей попытки [ему] противодействовать», скрывая от С.И. Тычкова важную информацию⁷⁰. За это президиум губКК постановил объявить Ф.Д. Куракину строгий выговор и снять его с ответственной работы⁷¹.

Выводы губернской контрольной комиссии вряд ли можно назвать беспристрастными. Вынесенным постановлением она полностью оправдала Иркутский губком, хотя именно его кадровая политика явилась одной из важнейших предпосылок разразившегося в Киренске

⁶⁵ ГАНО. Ф. П-6. Оп. 3. Д. 11. Л. 135.

⁶⁶ Там же. Л. 135 об.

⁶⁷ Там же. Л. 148 об. – 149 об.

⁶⁸ Там же. Л. 152 об.

⁶⁹ Там же. Л. 154.

⁷⁰ Там же. Л. 152 об.

⁷¹ Там же. Л. 154.

конфликта. Ее прямым следствием стало наличие серьезных противоречий между секретарем и членами президиума уездного комитета РКП(б). Ключевым событием, запустившим процесс борьбы за пост секретаря укома, вероятно, стало назначение его заместителем Н.В. Овсянникова – молодого, энергичного и амбициозного коммуниста, выделявшегося на общем фоне благодаря прохождению курсов уездных партработников при ЦК РКП(б). Авантюризм и уверенность в себе, активно подпитываемые другими членами президиума, подтолкнули Н.В. Овсянникова к рискованным действиям, в конечном счете истолкованным губернским партийно-советским руководством как нарушение внутривнутрипартийной демократии. На самом же деле речь шла о гораздо более серьезном проступке – попытке сменить секретаря укома, с конца 1925 г. входившего в номенклатуру губернского комитета РКП(б), без санкции последнего. Тот факт, что Н.В. Овсянников ввязался в столь опасное предприятие, свидетельствует, что он либо не успел своевременно адаптироваться к происходящим в РКП(б) изменениям, либо в принципе не понимал, как на самом деле устроен и функционирует партийный аппарат. В то же время молодость, горячность, карьеризм и забота о собственной репутации не позволили ему смириться с постигшим его поражением. Совершив самоубийство, Н.В. Овсянников избавил себя от участия в разбирательстве, снятия с ответственной работы и других партийных взысканий вплоть до исключения из РКП(б).

Литература

Воробьев С.В. Конфликт в Курганском окружкоме РКП(б): красные партизаны против заведующего организационным отделом А.Г. Осокина // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2017. № 4 (24). С. 67–78.

Воробьев С.В. Случай Н.М. Шверника: конфликт в руководстве Уральской области в 1927–1928 гг. // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Исторические науки. 2019. № 3 (35). С. 36–46.

Демидов В.В. Политическая борьба и оппозиция в Сибири, 1922–1929 гг. Новосибирск: Изд-во Сибирского кадрового центра, 1994. 165 с.

Кружинов В.М. Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала). Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2000. 232 с.

Морозова Т.И. Конфликт в Бурят-Монгольском обкоме РКП(б): формальные и неформальные практики борьбы за власть (март – ноябрь 1925 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 142–153.

Олех Г.Л. «Омское дело» 1922 г.: хроника и смысл событий // Из прошлого Сибири: межвузовский сб. науч. тр. Новосибирск: НГУ, 1994. Вып. 1. Ч. 1. С. 101–123.

Олех Г.Л. Партийная машина РКП(б) в начале 20-х гг.: устройство и функционирование. Новосибирск: Изд-во Новосибирского гуманитарного института, 1995. 146 с.

Шабалин В.В. «Склока» как способ саморегуляции районной элиты в 1920-е годы // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2013. Вып. 2 (22). С. 159–166.

References

Demidov, V.V. (1994). *Politicheskaya bor'ba i oppozitsiya v Sibiri, 1922–1929 gg.* [Political Struggle and Opposition in Siberia, 1922–1929]. Novosibirsk, Izd-vo Sibirskogo kadrovogo tsentra. 165 p.

Kruzhinov, V.M. (2000). *Politicheskie konflikty v pervoe desyatiletie sovetsoy vlasti (na materialakh Urala)* [Political Conflicts in the First Decade of Soviet Power (Based on the Materials of the Urals)]. Tyumen', Izd-vo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. 232 p.

Morozova, T.I. (2018). *Konflikt v Buryat-Mongol'skom obkome RKP(b): formal'nye i neformal'nye praktiki bor'by za vlast' (mart – noyabr' 1925 g.)* [A Conflict in the Buryat-Mongol Regional Committee of the Russian Communist Party of the Bolsheviks: Formal and Informal Tactics of the Power Game (March – November 1925)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 426, pp. 142–153.

Olekh, G.L. (1994). "Omskoe delo" 1922 g.: khronika i smysl sobytiy ["Omsk Case" 1922: Chronicle and Meaning of Events]. In *Iz proshlogo Sibiri: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov*. Novosibirsk, NGU. Vol. 1, pp. 101–123.

Olekh, G.L. (1995). Partiynaya mashina RKP(b) v nachale 20-kh gg.: ustroystvo i funktsionirovanie [The Party Machine of the RCP(b) in the Early 1920s: Structure and Functioning]. Novosibirsk, Izdatel'stvo Novosibirskogo gumanitarnogo instituta. 146 p.

Shabalin, V.V. (2013). "Skloka" kak sposob samoregulyatsii rayonnoy elity v 1920-e gody ["Hassle" as a Way of Regional Elite' Self-Control in the 1920s]. In *Vestnik Permskogo universiteta*. Ser.: Istoriya. Vol. 2 (22), pp. 159–166.

Vorob'ev, S.V. (2017). Konflikt v Kurganskom okruzhkome RKP(b): krasnye partizany protiv zaveduyushchego organizatsionnym otelom A.G. Osokina [Conflict in the Kurgan District Committee of the RCP(b): Red Partisans Against the Head of the Organizational Department A.G. Osokin]. In *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 4 (24), pp. 67–78.

Vorob'ev, S.V. (2019). Sluchay N.M. Shvernika: konflikt v rukovodstve Ural'skoy oblasti v 1927–1928 gg. [The Case of N.M. Shvernika: Conflict in the Leadership of the Ural Region in 1927–1928]. In *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta*. Ser.: Istoricheskie nauki. No. 3 (35), pp. 36–46.